

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ПОНЯТИЯ «ДУША» КАК БАЗОВОГО ПРИНЦИПА РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДУХОВНЫХ СТИХОВ ЗАУРАЛЬЯ)

В. П. Федорова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

Рассматриваются взаимосвязи языка и ментальности, что находит отражение в общем культурном контексте. Анализ духовных стихов способствует выявлению мировоззренческой структуры общего философского аспекта, тайны души. Исследуется также «тайный язык» мироощущения зауральского крестьянства.

Ключевые слова: *душа, менталитет, духовные стихи, добро, зло, тело, ад, рай, старообрядцы, бинарные оппозиции, Бог, дьявол.*

Мы исходим из принципа отражения в языке ментальных особенностей этноса, той всякий раз по-разному «организованной души», о чем писал О. Шпенглер [21. С. 255].

Эмпирической базой исследования являются духовные стихи из архивных коллекций кафедры литературы и фольклора Курганского государственного университета, духовные стихи из Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (ЛАИ УрФУ V.99p/1406; Сборник исторических стихотворений и духовных стихов зауральских старообрядцев, 10—20-е гг. XX в. 8⁰. 41 л. — ЛАИ УрФУ. V.22p/641; Сборник. II пол. XX в. 4⁰. 134 л. — ЛАИ УрФУ. V.120p/1549; Сборник. II пол. XX в. 4⁰. 44 л.). Стихи бытовали в Зауралье. Использованы материалы из личного архива автора, а также изданные тексты.

В орбиту исследования включены стихи российской традиции и созданные в крае. Сопоставительный анализ позволил выявить одну из характерных черт зауральских старообрядческих стихов — переплетение библейских мотивов с местными проблемами, в частности с полемикой, связанной с духовной стороной организации семьи (брачного союза). На основе историко-филологического метода выявлено представление старообрядцев о важной роли человека в состоянии созданного Богом мироздания. Константным является мотив воздействия зла, коренящегося в душе человека, на появление зла во всей Вселенной (стих о Великом потопе, стих о Курганском Соборе). Филологический и сопоставительный методы позволили установить смещение объекта духовных стихов зауральских двоедан в область внутрен-

ней религиозной жизни. Вместе с тем отмечается константность мотивов о выходе частного разрушительного действия в мировое пространство, о всеобщности катаклизмов как результате греха в душе человека.

Духовные стихи зауральских староверов представляют базу для изучения диалектных особенностей речи края.

Духовные стихи записаны от староверов (двоедан) в Юргамышском, Куртамышском, Шатровском, Притобольном районах на переломе XX—XXI вв. Кроме того, включены стихи из стихарников старообрядцев. Темпоральные рамки бытования этих произведений установить трудно, так как пометки составителями рукописных книг, как правило, не оставлены. Характерна презентация Н. Водениковым (1910 г. р., д. Крутали) своего стихарника: «Сии духовные стихи духовной книги взяты с разных старообрядческих рукописей, составлены иноками и агирянами. Сборники стихов, переписанные полуставом, ценились очень дорого и передавались бережливо из рода в род, как святыня. Большая часть рукописей, хранящихся в библиотеки Академии наук в Петрограде, напечатана в христианской типографии в Москве в лето 1916» (орфография сохранена) [12. С. 3].

В рукописи на с. 22 отмечена дата записи одного из стихов: «1979 г., месяца июля». Видимо, часть текстов переписана из книги издания 1916 г. Других пометок нет. Важными источниками для наших наблюдений являются анонимные авторские тексты, написанные, очевидно, старообрядцем беспоповского поморского согласия, знавшим содержание решения Соборов, на которых решался, в частности, вопрос об обрядовой стороне создания семьи.

Соборы, как известно, не привели к единению старообрядчества. Стихи сложились здесь не случайно: в конце XIX — начале XX в. Зауралье стало центром полемики по поводу священнословных браков, о чем свидетельствует ряд соборов, проходивших в следующих селах: Галишево, Гагарье, Таловка, Озерки, Малочаусово, Гилева, Обухова, Малодубровная, Курган [8. С. 23—24]. Poleмика дала основание для острых, сатирических стихов неизвестного автора.

Характерно стремление автора стихов осмыслить святость и грех сквозь призму внутренней жизни старообрядцев края. Стихи вошли в старообрядческий сборник. Составлен он, видимо, в конце 1920-х гг. — после Курганского собора 1924 г. Краткое описание сборника дано в «Очерках истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий» [8. С. 4—24]. Внутренние раздоры отразились в восьми полемических духовных стихах, касающихся брака. Они являются ответом на разногласия суждений по поводу того, как с духовной стороны должна быть организована семья.

Часть исследуемых стихов, известных в крае, ориентирована на сюжеты, мотивы, образы народной Библии подобно многим фольклорным формам [1]. Духовные стихи — это отражение представлений о христианских ценностях, добре и зле во вселенском масштабе, семье и душе отдельного человека. По сути дела, это явление самопознания, понимания смысла жизни и праведничества.

Вместе с тем в духовных стихах раскрыто понимание пути христианского общества (мира) и человека к будущему, его выбора в драматических ситуациях между Космосом и Хаосом, Богом и дьяволом, добром и злом [16. С. 369]. На этом пути, как сделал вывод Н. И. Толстой, константным является противопоставление «своего» и «чужого», которое пронизывает все: от человека до мироздания [14. С. 8].

Надо отметить особый подход сочинителей стихов к «Вечной книге». «Русская народная вера по духовным стихам (а насколько можно сейчас судить и не только по духовным стихам) не соответствует многим догматам православия или соответствует им не в полной мере», — верно писал Н. И. Толстой [Там же. С. 9].

Из великого множества этнического вербального наследия зауральцами сознательно отбирались тексты, отвечающие духовному настрою русского этноса. По наблюдениям Ф. И. Буслаева, духовные стихи пришли по вкусу всему русскому народу и вошли в общую сокровищницу его религиозной

христианской поэзии. Поднявшись над множеством «текущих мелочей действительности, они — уже не забава и не досужее препровождение времени...» [3. С. 307]. Главным объектом художественного познания в духовных стихах является душа человека, стоящая перед выбором между Добром и злом, грехом и святостью, раем и преисподней.

Отметим, что обозначенная тема в качестве объекта исследования поставлена впервые. Она позволяет углубиться в проблему локального фольклора, в том числе в проблему содержания духовных стихов, диалектных особенностей, отражения в них зауральского диалекта. Актуализация внимания к локальным традициям отмечена публикациями С. Е. Никитиной [10], Ф. М. Селиванова [13], Е. А. Бучилиной [5], М. Г. Казанцевой [7], С. Г. Шулежковой [6], С. В. Батуева [4].

В духовных стихах святость предстает как своеобразный Космос — Добро, в котором человек получает адекватное воздаяние за свои дела.

Космос (от греч. «порядок», «краса», «украшение», «упорядоченность», «строение», «устройство») рассматривается нами как «эстетически отмеченный порядок» [9. С. 9]. Это понятие распространяется не только на мироздание, его устройство, но и на все, что есть во Вселенной. Это определенный закон порядка и универсальное состояние порядка, устройства, касающегося в том числе и человека как особой системы — части мироздания. Ему подчинено все: от мироустройства до обычаев ношения одежды. Ф. Ф. Ульянова (с. Ярославское Притобольного района, 1909 г. р.) спела духовный стих «Миру заступница» с мотивом порядка включения стиха в духовное пение. По ее воспоминаниям, названный стих пели в селе один раз в году перед Пасхой, как того требовал порядок:

*В пятницу святую все должны молчать,
В Христово Воскресенье должно размышлять.*

В эту же пятницу пели стих о снятии Иисуса Христа с креста:

Иосиф вместе с Никодимом

Пришли с креста страдальца снять, — сказала Ф. Ф. Ульянова в 1998 г. (Архив КГУ, колл. «Ярославское — 98». С. 10).

Противовес Космосу составляет Хаос как «беспорядочное состояние материи» [9. С. 580], вечная смерть для всего живого [Там же. С. 581].

Стремясь осмыслить противоборство зла и Добра, создатели и знатоки духовных стихов ориентировались не только на Библию, но и на разные формы традиционной этнической культуры.

Так, противостояние Добра и зла отражается в легенде о разрушении сотворенной Богом идеальной земли дьяволом. В с. Ярославском Притобольного района записана легенда о порче дьяволом совершенства земли, сотворенной Богом: «Ругаем ныне дороги. А чо ругать? Сами разбиваем. Это людское дело. А вот горы наши — это бес Богу помешал. Давно слыхала. Мне-ка под конец девярых десятков идет. Видишь, как у нас земля построена: то горка, то яма, то горка, то яма. Ну-к, так было: Бог строил землю. Сделал ладно, гладенько. Разгладил рукой. По какому-то делу оглянулся, бес в ту пору харкнул на землю. Появились овраги. И земля стала как бы корявой. У нас-то хорошо: речка рядом. До нее спускаться надо. Горки хоть не крутые, а все же горки. Смолоду ничего, хорошо ране бежала, а потом хуже. Бес, он всегда напомнит. Потому берешься за дело, скажи: “Господи благослави”» (Зап. в 1998 г. Федоровой В. П. и Антоновой Н. от Феклы Фадевы Ульяновой, 1909 г. р.; Архив КГУ, колл. «Ярославское — 98». С. 9).

Константно противопоставление ада ирая. В устном бытовании рай характеризуется как совершенное пространство, наполненное светом, теплом, жизнью, пением херувимов, согласием, радостью. Библейский мотив сотворения первых людей едва обозначен. В стихе «Плач Адама» первый человек в слезах только упоминает, что он был сотворен для жизни в раю [4. С. 101]. В рай «заключена бисте» и Ева. В стихе грех преступления пред Богом перенесен на женщину: она «Адама прельстила, Закон преступила, Богу согрubiла». Ее грех тем более тяжек, что будет распространен на весь род человеческий, перед которым открылась пропасть между Добром и злом, Космосом и Хаосом. С крестьянской точки зрения, проступок Евы объяснен умопомешательством, что вызывает не только осуждение, но и некоторое сочувствие: «Ум свой помрачила, во тьму погрузила». Оказавшись на «сшибке» между Богом и дьяволом, она, будучи не в себе (ум помрачен), нарушила заповедь Творца, став прародительницей людей, перед которыми будет всегда стоять необходимость выбора между святостью и грехом.

Мотивы погружения мира во вселенское зло, вселенский Хаос как результат отступничества людей от заповедей Бога и наказания за грехи положены в основу духовного стиха «О Потопе». Дж. Фрэнгер показал всемирное бытование прозы о Великом Потопе. Почти на ста страницах книги выявлена специфика отражения трагедии Потопа в фольклоре разных народов [19. С. 65—160].

В связке «мироздание — человек» главное место отведено человеку, от выбора которого зависит состояние Вселенной. Грехи людей вызывают катастрофу, воды люты, в которых гибнет все живое. Обращение к человеку с требованием понять ответственность перед миром приобрело обобщенный характер, что вызвало такой широкий интерес к стиху. Привлекала слушателей глубина трагедии земли, преданной человеком. Не случайно сюжет о Вселенском потопе всемирно известен. О широком интересе зауральцев к теме наказания людей за грехи потопом свидетельствует осмысление его не только в стихах, но и в легендах. Приведем два текста, записанные в удаленных друг от друга районах Зауралья. В одном из них потоп «напущен» за то, что люди перестали верить в Бога и пили без меры водку. Во втором вырисовывается мотив наказания людей за осквернение матери-земли.

Все тексты наполнены жизненными реалиями, подробностями поведения всего живого в пограничной ситуации. Единение в минуту опасности позиционируется как черта русского менталитета. Слушателям понятна трагедия утраты Космоса. Понятны и поиски людьми спасения: «Побежали в горы круты, там спастись... звери, един другого не вредили, лев с овцой, лев с овцой» [12. С. 36].

Усиливает трагедийное звучание стиха безжизненность водного пространства: «земли стало не видно, всё вода».

Мотив наказания за грехи является главным и в фольклорной прозе: «Мама рассказывала про Ноев потоп. Это во времена Ноя праведного было. Люди начали грешить, перестали верить в Бога. Бог бился-бился с имья, а оне пушше. Пили шибко, как сейчас. Бог предупредил, что нашьлет потоп. А люди что? Как пили, матерились, курили, не верили, не почитали родителей, так и продолжали. Один Ной с семьей от них отделялся. Поведения хорошего был. Ему заранее Господь сказал: “Строй ковчег, как кораблик, тогда не потонешь”» (Записано от поморки Благиной Анны Степановны, 1922 г. р., с. Пески; архив автора).

Легенда известна и в Шатровском районе. В Ильине информантом подчеркнуто всеобщее знание о Потопе: «Про Потоп знаешь? Про него у нас в семье читали, говорили. От стариков рассказы слышала» (Архив КГУ, колл. «Ильино — 91». № 80).

Константная тема ответственности человека за выбор между Богом и дьяволом перенесена и на природный мир — бессловесную тварь, живущую рядом с людьми. Вторая часть легенды

вводит в мир поведения зверей в минуту опасности. Поступки их — своеобразное зеркало выбора человека, его ответственности перед мирозданием за данные ему разум и слово. Греховный мир уподоблен собаке, за шубу ослушавшейся Бога и едва не погубившей его творение (Записано от Зои Евдотьевны Гордиевских, 1906 г. р.; Архив КГУ, колл. «Ильино — 91». № 80).

Праведность Ноя возрождает жизнь, что запечатлено в прозе и в стихе.

В духовных стихах отразились философские размышления о строении мироздания, о человеке как объекте борьбы добра и зла. Мир представлен тремя главными сферами: подземной и небесной, между ними — земля, локус обитания человека — творения Бога. Идеальная часть мироздания рисуется в соответствии с представлениями об идеале реальной жизни. Однако действует и дьявол. Его опасность таится в возможности незаметно проникать в человеческую жизнь, в самого человека.

В связи с мотивами козней дьявола как истоков церковной реформы настойчиво звучит мотив самостоятельности человека, его духовной силы. Слабость одного властного человека порождает беду для всего русского мира.

В старообрядческой среде утвердилась мысль о том, что церковная реформа, гонение на древнюю церковь — греховный выбор патриарха Никона, совращенного дьяволом. Внимание сосредоточено на земных муках старообрядцев, сохранивших веру отцов. Выбор властью зла приводит к преступлениям, направленным на духовное и физическое уничтожение человека — создания Бога.

Наиболее широкий круг духовных стихов посвящен борьбе добра и зла в душе человека. Чаще всего персонажами произведений избираются молодые люди — юные души, пропитанные романтикой высоких чувств. Константы мотивы трудности жизни на земле, искушения неопытных душ. Спасение видится в помощи ангела, которого должно всегда носить в сердце.

Согласно выводам Г. П. Федотова, ценность духовных стихов состоит в том, что в них дан «в мельчайших подробностях моральный кодекс народа. Эта поэзия в отличие от былинного эпоса хочет не только забавлять, умилять и утешать, но учить и указывать путь спасения. Отсюда длинные обличения грехов и противопоставляемые им своды добродетелей» [18. С. 84].

Противопоставляя грешный мир небесному, святому, герой отрекается от земных благ во имя вечной жизни.

Постижение смысла жизни как служение Богу приводит к душевной тишине и покою. Идущий к Богу прославляет пустыню — тишину, покой, так необходимые для постижения смысла бытия.

«Похвала пустыне является одной из очень древних тем монашеской литературы Востока и Запада», — писал Г. П. Федотов [Там же. С. 76]. Слово позиционировалось опорой слабой душе в суровой аскезе. Цельность юношеской души соотнесена с физической силой. Слабый душой человек, став старым, беспомощным, предавшим идеалы служения Творцу, сохраняет демоническую гордыню, которая его «съедает».

Для зауральских стихов характерен поворот проблемы выбора между святостью и грехом в область отношения к таинству брака, что было актуальным в Половинском, Юргамышском и Притобольном районах. По свидетельству уставщицы Курганского молельного дома старообрядцев-поморцев Матроны Евсеевой родом из Половинского района, село Сумки и соседние населенные пункты округа исповедовали неприятие брака, то есть брака с таинством: «Жили бессвященнословным браком», — сообщила она. Семья их тоже была «бракоборской» (Архив автора. Запись 2012 г.). По сообщению Ф. Ф. Ульяновой, их Ярославка не признавала село Сумки: «Ни туда замуж, ни оттуда невесты. Не признавали их наши. Все мы одной веры, но не одинаки. Их называли бракоборами». На вопрос о названии «бракоборы» ответила: «Знать, за что-то браковали. А в Обуховой жили двоеданы. Звали их крестителями» (Архив КГУ. Колл. «Ярославское — 98». С. 9—10).

Многообразие толков подтачивало старообрядчество изнутри, что было пагубнее официальных преследований. Так, в селе Ильине старообрядцы «разбрелись» по четырем толкам: тополевы, березовцы, дырники и тихоновцы [16. С. 61—63]. По наблюдениям грамотной старообрядки Евдокии Максимиановны Спириной (1914 г. р.), разница между ними заключалась в количестве читаемых над усопшим стихов: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». Кроме того, коренное различие заключалось в самом обряде моления: кому молились. Топелевы — тополю. Одно дерево стояло в центре села. В него вросла врезанная когда-то икона. Позже тополь «разбило громом», что вызывает разные толкования: как греховное дело и как святое. Срезанное дерево до сих пор стоит в середине села, но ему давно никто не молится. Березовцы поклонялись березе. Дырники молились в дыру, просверленную

в стене. Тихоновцы считались «неграмотными» (не знающими религиозных уставов). Они собирались у Тихона — старичка. В чем их «вера», даже Е. М. Спирина не знала [16. С. 63].

Ряд соборов не снял проблему. Борьба толков отразилась в стихах, в которых представлена широкая панорама взаимных обвинений в грехе отхода от веры отцов. Обратимся к рукописному сборнику духовных стихов из Курганского собрания, который входит в фонды Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета, V.99p/1406 (Курганское собрание). Он был приобретен в Куртамышье Курганской области в 1983 г. Стихи занесены в записную книжечку-ежегодник на 1910 г. Сохранились страницы 25—32, 35—62, 65—66, 75—98, 103—122. Часть страниц без текста. Восемь текстов записаны одной рукой карандашом и чернилами на с. 75—98, 106—199. В сборник включено восемь стихов, отразивших полемику по вопросам веры, в частности, — таинства брака. Автор стихов привел географию распространения браков без венчания: «О никонианах», «Увещевание к поморцам», «К обуховцам», «Сумцам», «О Соборе Гагаринском», «К крестителем» (так в тексте), «Стих не про святых», «О Дубровском Соборе», «Стих новый о раздоре в Курганском Соборе». Не упомянут собор, проходивший в большом селе Галишеве.

Отражение греховности предательства старой веры создатель стихов видит во всеобщем грехе — разрушении.

Истоки многообразия толков объясняются кознями дьявола, который царствует в мире, запутывая слабых душой людей.

Автор — «Божий раб скорбящий» — подчеркивает важность традиции, заветов отцов. Он явно знал житийную словесность, в русле предисловий которой презентует себя «рабом Божиим», скорбящим по поводу разрушения «древлего благочестия», отсутствия сопротивления дьяволу.

Под дьявольскую печать попали даже старообрядцы, которые помнят и знают законы староверия:

Больше все о браке,

Бывают и ссоры, чють не до драки (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 89).

Создатель стихов подчеркивает глобальный характер зла отхода от заветов отцов. Так, на собор в Дубровное «собрались старики — расейцы и сибиряки». Прodelки дьявола привели только к шуму, все остались при своем мнении. Автор-беспопoveц призывает не верить попам, исповедующим никонианство:

Не спасают попы души,

У них глаза очень завидуци (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 95).

В полемическом задоре автор стиха подвергает сатире поморцев за их нестойкость и переход к «новым попам». Опора на принцип бинарной оппозиции позволяет показать трагедию отрыва современных автору поморцев от корней, что ведет в бездну:

Прежде были попы — звезды,

А ныне почти все бегут в бездну (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 96).

Разрушение истин старой веры — путь к бесу:

На христову Церковь все вы возмутились,

Ангели-хранители за то от вас отлучились (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 97).

Манифестируя себя как человека, избежавшего дьявольских цепей, автор духовных стихов видит основу святости в служении Богу, в вере отцов и в деятельности подлинных защитников духовной веры: «Что старое-то — от Бога, а новое — от беса» (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 96).

В стихах подчеркнута идея покаяния как ступени на пути к Богу. Автор видит восстановление лада в душе и получение покровительства Бога только через искренний отход от «козлов смердящих», «неверных», которыми изображаются поморцы-бракоборы:

Тогда будет вам отрада,

Вы избавитесь от ада,

Бог всегда ждет покаянья

От народов окаянных,

Если вы не обратитесь,

То спаситесь не надийтесь (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 85).

К греховным отнесен обычай перекрещивания при переходе из одного толка в другой. Автор тонко подметил отсутствие подлинной веры у людей, «бегающих» из одного толка в другой:

Будет Вам беситься,

По два, по три раза креститься (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 89).

Один из стихов названием атрибутирует адресатов: «Стих 6. Ко крестителем. Стих не про святых». Автор демонстративно подчеркивает всемирность зла: «И по всему свету размножились секты» (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 90). Опираясь на традиционный фольклорный прием ступенчатого сужения образов, автор ведет читателей к суженному образу — богоотступникам, которые отвергают таинство брака. Раскрывая истинный идеал семьи, защитник старинных этнических устоев риторически вопрошает:

*Да кто же вам возбраняет? Брак вы совершайте.
Но только и тайну брака признавайте.*

*А христиан, признающих тайну брака,
К себе не прельщайте* (ЛАИ УрФУ. V.99р/1406, л. 95).

Искоренение зла автор видит в выявлении разрушительной роли не только отдельными толками, но и конкретными людьми. Этот замысел реализован в духовном стихе, названном «Стих новый о раздоре в Курганском соборе». Историческая справка: Курганский собор состоялся 5—7 февраля 1924 г. в Кургане, в поморском молитвенном доме во имя Покрова Божией Матери и святого Николая Чудотворца. Собор насчитывал 430 участников. На нем постановления Озерского 1875 г., Галишевского 1886 г., Малодубровского 1923 г. соборов были признаны «несогласными с учением Святой Церкви». Окончательное решение о постановлениях этих соборов было отложено до следующих соборов (ЛАИ, 22р/641, л. 92—93; 120р/1549, л. 30—32).

Открывается стих предисловием, характерным для поэтики лирических песен — психологическим параллелизмом:

*Возволновалось море и возмутились воды,
Собрались народы
Со всех стран
В город Курган.*

*Собрались не для пира,
А для устройства мира* (ЛАИ УрФУ. V.99р/1406, л. 106).

Заявка о том, что «скончавшийся» мир невозможно заново устроить, реализована в упреках не только всем сектам, но и конкретным людям. Прием ступенчатого сужения образов позволяет высветить вину всех начиная с отца Василия Самарина, участника Первого Всероссийского Собора поморцев в Москве в 1909 г. [8. С. 41]. А да-

лее следует перечень имен старообрядцев, каждый из которых виновен в том, что любовь к Богу остыла, а вера ушла в пустыню: это Мякинин Ипат, Михаил Чюваш, Колесовский слепой Яша, Диев и Раков, поморки Ипатовы, Нестор Данилов. Следуя концепции о раздорах в среде старообрядцев как кознях дьявола, автор стиха отметил роль людей в порождении зла раздоров, ведущих в ад. «Злобно дышащие люди» истинную «веру оконфузили». Позитивен призыв автора:

*Прошу вас, отступников, усмириться,
Будет вам, отступники, беситься* (ЛАИ УрФУ. V.99р/1406, л. 118).

Сам же обличитель просит у всех прощения, поясняя, что злое слово идет от желания сделать добро, победить зло.

Автор, «человек скорбящий, самый ничтожный», увидел «страшный мир заблудший» и сложил стихи для того, чтобы напомнить о возможности пути к Богу. Духовные стихи, бытовавшие в Зауралье, а иногда и сложенные в крае, свидетельствуют о том, что «осмысление проблемы мироздания увязывалось с нравственными вопросами. Так, все происходящее в мире, по версии зауральских двоedan (старообрядцев), зависит от человека, его нравственности или безнравственности [16. С. 369]. Только личная воля, личные устремления и думы, надежда на Бога, покаяние выводят из оков зла, создают добро, гармонию, а «личная воля, личные устремления, личные дела и думы отводят от греха, в какой бы он форме ни проявлялся» [Там же].

Список сокращений

Архив КГУ — архив кафедры литературы и фольклора Курганского государственного университета.

ЛАИ УрФУ — архив Лаборатории археографических исследований Уральского федерального государственного университета.

Список литературы

1. Белова, О. В. Славянские «библейские легенды»: от книжного источника к фольклорному нарративу / О. В. Белова // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. : в 2 т. Т. 2. — М. : Гос. республиканский центр русского фольклора, 2006. — С. 271—289.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — М. : Изд. Московской патриархии, 1990. — 1346 с.
3. Буслаев, Ф. И. Русские духовные стихи // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. — М. : Худож. литература, 1990. — С. 294—348.
4. Духовные стихи старообрядцев Куртамышского и Юргамышского районов по устному преданию и рукописным источникам XIX—XXI вв. / сост. С. В. Батуев. — Курган, 2016. — 179 с.
5. Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / сост., вступ. статья, подг. текстов, исслед. и коммент. Е. А. Бучилиной. — М. : Наследие, 1999. — 416 с.

6. Духовный фольклор на Южном Урале / отв. ред., автор вступ. ст. и коммент. С. Г. Шулежкова. — Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2005. — 224 с.
7. Казанцева, М. Г. Духовные стихи в старообрядческой и православной традиции Урала / М. Г. Казанцева // История церкви: изучение и преподавание : материалы науч. конф., посв. 2000-летию христианства (Екатеринбург, 22—25 нояб.). — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1999. — С. 180—187.
8. Мангилев, П. И. К истории поморского согласия на Урале в XVIII—XX вв. / П. И. Мангилев // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. — С. 4—42.
9. Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. — М. : Совет. энциклопедия, 1992. — 719 с.
10. Никитина, С. Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья / С. Е. Никитина // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций 1966—1980 гг.) : сб. ст. / под ред. И. Д. Ковальченко. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 91—126.
11. Новиков, Ю. В. Духовные стихи русских старожилов Литвы / Ю. В. Новиков // Живая старина. — 1994. — № 3. — С. 35—37.
12. Сборник духовных стихов. Рукопись. Вторая половина XX века / сост. Н. В. Водеников. — Архив КГУ, колл. «Старообрядцы».
13. Селиванов, Ф. М. Русские народные духовные стихи : учеб. пособие / Ф. М. Селиванов. — Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 1995. — 159 с.
14. Толстой, Н. И. Несколько слов о новой серии и книге Г. П. Федотова «Стихи духовные» / Н. И. Толстой // Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). — М. : Прогресс : Гнозис, 1991. — С. 5—10.
15. Федорова, В. П. Зауральская невесткина неделя / В. П. Федорова // Сибирский фольклор : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1980. — С. 34—40.
16. Федорова, В. П. Русский фольклор / В. П. Федорова // История Курганской области (1861—1917). Т. 4. — Курган : Зауралье, 1998. — С. 368—382.
17. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья / В. П. Федорова. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 1997. — С. 368—372.
18. Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Г. П. Федотов ; вступ. ст. Н. И. Толстого ; послесл. С. Е. Никитиной ; подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. — М. : Прогресс : Гнозис, 1991. — 192 с.
19. Фрэзер, Дж. Фольклор в Ветхом завете / Дж. Фрэзер. — М. : Изд-во политической литературы, 1985. — 511 с.
20. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н. С. Шапарова. — М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2001. — 624 с.
21. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. — Новосибирск : Наука, 1994. — 584 с.

Сведения об авторе

Федорова Валентина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Гуманитарного института Курганского государственного университета, Курган, Россия. filfar@kgsu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 164—172.

THE CONCEPT “SOUL” AS THE BASIC PRINCIPLE OF RUSSIAN MENTALITY AND ITS REFLECTION IN LANGUAGE (A CASE STUDY OF SPIRITUAL VERSES OF THE TRANS-URAL REGION)

V.P. Fedorova

Kurgan State University, Kurgan, Russia. filfar@kgsu.ru

The article examines the interrelationships between language and mentality, which is reflected in the overall cultural context. The analysis of spiritual verses contributes to the identification of the worldview structure of the general philosophical aspect, to solving the mystery of the soul. The “secret language” of peacemaking of the peasants from the Trans-Ural Region is also explored. The comparative analysis of spiritual poems allows to reveal one of the characteristic features of Old Believers’ verses — interweaving of Biblical motives with local problems, in particular, with controversy related to the spiritual side of family organization (marriage union). On the basis of the historical and philological method, the Old Believers’ representation of man and his the important role of in the Universe is revealed.

Keywords: *soul, mentality, spiritual verses, good, evil, body, hell, paradise, Old Believers, binary opposition, God, devil.*

References

1. Belova O.V. Slavyanskije “biblejskie legendy”: ot knizhnogo istochnika k fol’klornomu narrative [Slavic “biblical legends”: from book source to folklore narrative]. *Pervyj Vserossijskij congress fol’kloristov: sbornik dokladov* [First all-Russian Congress of folklorists: collection of reports], vol. 2. Moscow, 2006. Pp. 271-289. (In Russ.).
2. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament]. Moscow, 1990. 1346 p. (In Russ.).
3. Buslaev F.I. Russkie duhovnye stihy [Russian spiritual verses]. *Buslaev F.I. O literature. Issledovaniya. Stat’i* [About literature. Researches. Articles]. Moscow, 1990. Pp. 294-348. (In Russ.).
4. *Duhovnye stihy staroobryadcev Kurtamyshskogo i Yurgamyshskogo rajonov po ustnomu predan’yu i rukopisnym istochnikam XIX-XXI vv.* [Spiritual poems of the Old Believers of the Kurtamyshsky and Yurgamyshsky districts according to oral legends and handwritten sources of the 19-21 centuries]. Kurgan, 2016. 179 p. (In Russ.).
5. *Duhovnye stihy. Kanty (Sbornik duhovnyh stihov Nizhegorodskoj oblasti)* [Spiritual poems. Kants (Collection of spiritual poems of Nizhny Novgorod region)]. Moscow, 1999. 416 p. (In Russ.).
6. *Duhovnyj fol’klor na Yuzhnom Urale* [Spiritual folklore on the South Ural]. Magnitogorsk, 2005. 224 p. (In Russ.).
7. Kazanceva M.G. Duhovnye stihy v staroobryadcheskoj i pravoslavnoj tradicii Urala [Spiritual verses in the Old Orthodox and Orthodox tradition of the Ural]. *Istoriya cerkvi: izuchenie i prepodavanie* [The history of the Church: learning and teaching]. Ekaterinburg, 1999. Pp. 180-187. (In Russ.).
8. Mangilev P.I. K istorii pomorskogo soglasiya na Urale v XVIII-XX vv. [To the history of Pomeranian accord on the Ural in the 18-20th centuries]. *Ocherki istorii staroobryadchestva Urala i sopredel’nyh territorij* [Essays on the history of old believers in the Urals and adjacent territories]. Ekaterinburg, 2000. Pp. 4-42. (In Russ.).
9. *Mify narodov mira: Enciklopediya* [Myths of the Peoples of Mira. Encyclopedia], vol. 2. Moscow, 1992. 719 p. (In Russ.).
10. Nikitina S.E. Ustnaya tradiciya v narodnoj kul’ture russkogo naseleniya Verhokam’ya [Oral tradition in the popular culture of the Russian population of Verhokamya]. *Russkie pis’mennye i ustnye tradicii i duhovnaya kul’tura (po materialam arheograficheskikh ekspeditsij 1966-1980)* [Russian written and oral traditions and spiritual culture (based on archaeological expeditions 1966-1980)]. Moscow, 1982. Pp. 91-126. (In Russ.).
11. Novikov Yu.V. Duhovnye stihy russkih starozhilov Litvy [Spiritual poems of Russian old residents of Lithuania]. *Zhivaya starina* [Living old], 1994, no. 3, pp. 35-37. (In Russ.).
12. *Sbornik duhovnyh stihov. Rukopis’. Vtoraya polovina XX veka* [Collection of spiritual poems. Manuscript. Second half of the 20th century]. *Arhiv KGU, koll. “Staroobryadcy”* [Archive of Kurgan State University. Collection of “Old Believers”]. Kurgan (In Russ.).
13. Selivanov F.M. *Russkie narodnye duhovnye stihy* [Russian folk spiritual poems]. Yoshkar-Ola, 1995. 159 p. (In Russ.).
14. Tolstoj N.I. Neskol’ko slov o novej serii i knige G.P. Fedotova “Stihy duhovnye” [A few words about the new series and the book of G.P. Fedotov “Spiritual Verses”]. *Fedotov G.P. Stihy duhovnye (Russkaya narodnaya vera po*

duhovnym stiham) [The spiritual poems (Russian folk belief in spiritual poems)]. Moscow, 1991. Pp. 5-10. (In Russ.).

15. Fedorova V.P. Zaural'skaya nevestkina nedelya [Trans-Ural week of the bride]. *Sibirskij fol'klor* [Siberian folklore]. Novosibirsk, 1980. Pp. 34-40. (In Russ.).

16. Fedorova V.P. Russkij fol'klor [Russian folklore]. *Istoriya Kurganskoj oblasti (1861-1917)* [The history of the Kurgan region (1861-1917)], vol. 4. Kurgan, 1998. Pp. 368-382. (In Russ.).

17. Fedorova V.P. *Svad'ba v sisteme kalendarnyh i semejnyh obychaev staroobryadcev Yuzhnogo Zaural'ya* [Wedding in the system of calendar and family customs of Old Believers of the Southern Trans-Ural region]. Kurgan, 1997. 283 p. (In Russ.).

18. Fedotov G.P. *Stihi duhovnye (Russkaya narodnaya vera po duhovnym stiham)* [The spiritual poems (Russian folk belief in spiritual poems)]. Moscow, 1991. 192 p. (In Russ.).

19. Frazer J.G. *Fol'klor v Vethom zavete* [Folklore in the Old Testament]. Moscow, 1985. 511 p. (In Russ.).

20. Shaparova N.S. *Kratkaya enciklopediya slavyanskoj mifologii* [Brief Encyclopedia of Slavic Mythology]. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.).

21. Spengler O. *Zakat Evropy* [Decline of Europe]. Novosibirsk, 1994. 584 p. (In Russ.).